

ПСИХОАНАЛИЗ ДОСТОЕВСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Йолан Нойфельд

Предисловие Анны Ковалец
Перевод Юрия Камалетдинова

18+

Йолан Нойфельд

**Психоанализ Достоевского.
Исследование личности и
творчества писателя под
редакцией Зигмунда Фрейда (1923)**

«Автор»

2026

Нойфельд Й.

Психоанализ Достоевского. Исследование личности и творчества писателя под редакцией Зигмунда Фрейда (1923) / Й. Нойфельд — «Автор», 2026

Перед вами первое в истории полноценное психобиографическое исследование личности и творчества Ф. М. Достоевского, датированное 1923 годом. Оно вышло под непосредственной редакцией Зигмунда Фрейда в его легендарной серии *Imago-Bücher*. Автор — Йолан Нойфельд, ученик (или ученица) Фрейда и член Венского психоаналитического общества. Нам почти ничего не известно о Нойфельд, не ясен даже пол. Однако, без сомнения, это был оригинальный и талантливый исследователь. Сам Фрейд назвал этот труд «превосходным». Нойфельд последовательно и увлеченно исследует биографию и творчество великого писателя через призму психоаналитической теории своего времени. Настоящее издание представляет собой новый перевод с немецкого оригинала, адаптированный для современного читателя, с предисловием психоаналитика МПА (МГП), обучающего терапевта ЕФПП (ОПП), кандидата философских и филологических наук А. С. Ковалец. Перевод и научные комментарии психотерапевта, кандидата ЕФПП (ОПП) Ю. А. Камалетдинова.

© Нойфельд Й., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Вступительная статья переводчика и научного редактора	8
Глава 1. Детство и семья	12
Глава 2. Фиксация на отце и ранние травмы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Психоанализ Достоевского. Исследование личности и творчества писателя под редакцией Зигмунда Фрейда (1923)

Предисловие

Спустя более чем 100 лет после первого – и единственного – издания на русском языке, вниманию читателя предлагается новый, дополненный научным аппаратом, перевод психобиографического исследования о Достоевском. Это одна из самых ранних попыток применить психоаналитическое знание и способ мышления к пониманию творчества великого писателя. Её автор – Йолан Нойфельд, психоаналитик из круга непосредственных учеников З. Фрейда. Исследование было опубликовано в 1923 г. и содержит целый ряд идей, которые пятью годами позднее З. Фрейд разовьет в своей знаменитой работе «Достоевский и отцеубийство».

Сам Фрейд это признавал. В сноске к своей работе он специально отметил, что большинство высказанных им идей уже содержатся в «превосходной» работе Нойфельд. Однако здесь проступает любопытная деталь. Биографических сведений о Йолан Нойфельд почти не сохранилось, и в ссылках на эту работу автора обычно обозначали как мужчину. Между тем, Нойфельд была не учеником, а ученицей Фрейда. Но чтобы восстановить эту правду, всякий раз приходится почти провести специальное расследование. Это «ошибочное действие» как будто укладывается в общую картину некоторого имплицитного скептицизма Фрейда относительно женщин, за который он будет в течение 20 века подвергаться критике нескольких волн феминизма. Так, история Нойфельд заставляет вспомнить другую женщину, чье место в истории психоанализа также оказалось парадоксальным.

В 1920 г. Фрейд публикует свою, впоследствии знаменитую, работу «По ту сторону принципа удовольствия», в которой он, по его собственному признанию, вдохновляется идеями русской женщины из Ростова-на-Дону, знаменитой пациентки Юнга, Сабины Шпильрейн. На докладе в Венском психоаналитическом обществе она представила свой доклад «Деструкция как причина становления», по поводу которого в письме к Юнгу от 1 марта 1912 г. Фрейд пишет: «Она очень талантлива; во всем, что она говорит, есть смысл; ее деструктивное влечение мне не очень нравится, поскольку я считаю, что оно обусловлено личными обстоятельствами. Она кажется аномально амбивалентной».

Итак, Фрейд признает работу Нойфельд «превосходной», однако через пять лет пишет свою «версию»; признает Сабину Шпильрейн одаренной, но аномально амбивалентной, что не мешает ему во многом воспроизвести ее дуалистическую, «амбивалентную» теорию влечений жизни и смерти на страницах собственной работы. При этом обе эти женщины в значительной мере исчезают из истории психоанализа – и как самостоятельные мыслители, и даже как музы гения.

Возможно, издание, которое вы держите в руках, служит отчасти восстановлению этой исторической несправедливости.

Впрочем, Достоевский, как и первые пациентки Фрейда, как и Сабина Шпильрейн, тоже представляет собой загадку «анормальной амбивалентности». Сам писатель говорит о живущей в нем «истерической жажде противоречий и контрастов». Нойфельд начинает свой анализ с этих противоречий, в диалектике которых как будто и состоит загадка Достоевского, а вслед за ней – загадка «русской души»: «Поневоле спрашиваешь себя: как мог человек, до глубины души преданный государю, одновременно состоять в заговоре против царя? Как уживается в одном человеке глубокая религиозность и полное безверие? Как человек, каждой клеткой при-вязанный к родной земле, может месяцами, а то и годами жить за границей? Как объяснить, что он вечно гонится за деньгами, а потом швыряет их на ветер, словно они ничего не стоят?».

Почти одновременно, в 1921 г., Николай Бердяев в своей работе «Миросозерцание Достоевского» пишет неожиданно близкие вещи: «Достоевский отражает все противоречия русского духа, всю его антиномичность, допускающую возможность самых противоположных суждений о России и русском народе. По Достоевскому можно изучать наше своеобразное духовное строение. Русские люди, когда они наиболее выражают своеобразные черты своего народа, — а п о к а л и п т и к и или н и г и л и с т ы. Это значит, что они не могут пребы-вать в середине душевной жизни, в середине культуры, что дух их устремлен к конечному и предельному. Это — два полюса, положительный и отрицательный, выражающие одну и ту же устремленность к концу».

Нойфельд прозорливо трактует четырех братьев Карамазовых как расщепленные части личности самого писателя, каждая из которых динамически изменчива и полна противоре-чий. Тем не менее, и она и, позднее, сам Фрейд все еще пытаются реконструировать феномен Достоевского через психическую структуру, поддающуюся диагностическим определениям и статичную в отношении целого конгломерата патологических, невротических искажений. Каж-дая из этих диагностических гипотез по отдельности выглядит обоснованной, но все вместе не могут – и мы это чувствуем – исчерпать общей сложности полифонической картины: «вечный Эдип»; амбивалентность к отцу и амбивалентность к матери, анальная фиксация, эпилептоид-ный характер, экстатическая аура, вытесненные инцестуозные влечения к обоим родителям, травма, связанная с сексуальным абюзом ребенка, наконец неспособность к сепарации – в том числе, сепарации от матери-земли русской...

В ретроспективе сегодняшнего дня мы обнаруживаем, насколько особенной, насколько раскаленной идеями и прозрениями была эпоха вокруг Первой мировой войны – появле-ние новых форм в культуре, искусстве, науке, радикально нового мировоззрения. Класси-ческая ньютоновская физика сменяется квантовой спутанностью, классическая фигуративность в искусстве – ломкой формы, классическая онтология – противоречиями экзистенции. Одно-значный, линейный, рациональный взгляд сменяется «полифонией» - термин, который через несколько лет введет для описания поэтики Достоевского Михаил Бахтин. Ницше в Запад-ной Европе, Достоевский в России предварили этот «квантовый скачок», предчувствуя, в том числе, что линейность времени, мысли и человеческой морали потеряет свою безальтернатив-ность. На ее смену, в том числе, придет психоаналитическое представление о бессознательных – глубинных, архайческих, «диких» сторонах человека, где противоречия сосуществуют, а не исключают друг друга. «С точки зрения последовательно-монологического видения и пони-мания изображаемого мира и монологического канона построения романа мир Достоевского должен представляться хаосом, а построение его романов – чудовищным конгломератом чуже-роднейших материалов и несовместимейших принципов оформления, - пишет М.Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского», - На самом деле несовместимейшие элементы мате-риала Достоевского распределены между несколькими мирами и несколькими полноправными

сознаниями, они даны не в одном кругозоре, а в нескольких полных и равноценных кругозорах, и не материал непосредственно, но эти миры, эти сознания с их кругозорами сочетаются в высшее единство, так сказать, второго порядка, в единство полифонического романа». Бахтин называет этот тотальный релятивизм, эту свободную взаимопроницаемость адского и райского - «амбивалентной логикой карнавала». З. Фрейд будет пытаться понять ее на запутанном, возбуждающем и сбивающем с толка материале своих истерических пациенток и пациентов, «идиотов» и «безумных» – и как же часто они оставляли его сбитым с толку!

З. Фрейд введет в европейскую культуру представление о неизбежности внутреннего конфликта, возникающего в результате сознательного – аполлонического, и бессознательного – дикого, дионисийского, вытесняемого на задворки психики. Сегодня, через 100 лет, эта полифоничность, неразделимое единство противоположностей - самого невинно-чисто-прекрасного с самым жестоко-чудовищно-ужасным - не могут быть охвачены одним аршином: одним ответом, одним диагнозом или вообще какой-либо рациональной непротиворечивостью сознания. За более чем 100 лет и литература, и психоанализ стали совсем иными. Однако загадка Достоевского сохраняется, пока шаткая структура морали еще имеет над нами силу – загадка парадоксального соединения в одной точке любви и деструктивности, жертвенности и жестокости, тенденции созидать и безжалостно разрушать, отражая вечную амплитуду колебаний человеческого духа между самоуничтожением и богоподобием. И в блестящем русском романе 21 века Евгений Водолазкин, устами юродивого Фомы, восклицает: «Твою дивизию! ... Так ведь русский человек – он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще он бессмыслен и беспощаден, и всякое дело может у него запросто обернуться смертным грехом. Тут ведь грань такая тонкая, что вам, сволочам, и не понять» («Лавр»).

Грань, действительно, тонкая. Настолько тонкая, что, возможно, ее вообще не существует.

Анна Ковалец

член Международной психоаналитической ассоциации (МГП), обучающий терапевт Европейской Федерации Психоаналитической Психотерапии (ОПП), кандидат философских наук, кандидат филологических наук.

Вступительная статья переводчика и научного редактора

Йолан Нойфельд – забытое имя раннего психоанализа.

Нам практически ничего не известно о личности и биографии автора данной работы. Даже определение пола исследователя вызывает затруднение. Йолан Нойфельд принадлежал(-а) к первому, преимущественно еврейскому поколению венских психоаналитиков, чьи жизни, карьеры и архивы были буквально стёрты нацистским режимом после аншлюса Австрии в 1938 году.

В 1938 году, после присоединения Австрии к Третьему рейху, психоанализ был объявлен Гитлером «еврейской лженаукой» (Jüdische Wissenschaft). Венское психоаналитическое общество (WPV) было официально ликвидировано. Легендарное издательство Internationaler Psychoanalytischer Verlag (которое и выпустило книгу Нойфельд о Достоевском) было закрыто, его склады опечатаны, а тиражи книг конфискованы и сожжены. Это главная причина, почему оригинальные экземпляры трудов автора стали редчайшими архивными артефактами. Один из таких экземпляров попал в наше распоряжение и стал основой для подготовки современного адаптированного перевода книги на русский язык.

Почти все соратники и ученики Фрейда еврейского происхождения были вынуждены экстренно бежать из Вены, спасая свои жизни. Сам Фрейд уехал в Лондон, другие бежали в США, Южную Америку или Палестину. В условиях панического бегства многие молодые ученые навсегда бросали практику, меняли документы, брали англизированные имена или погибли в лагерях, не успев оставить после себя личных архивов, мемуаров или учеников.

Работу о Достоевском Нойфельд написал(-а) в 1923 году, будучи совсем молодым исследователем. К моменту прихода нацистов к власти в Австрии автор либо уже не занимался активной публичной деятельностью внутри Общества, либо последующие рукописи были уничтожены нацистами до того, как их успели напечатать. Из-за этого в истории психоанализа Нойфельд так и остался(-ась) «автором одной яркой книги».

Будто предваряя тему амбивалентности в личности и творчестве великого Достоевского, раскрытую автором на страницах данного труда, у исследователей возникли разногласия относительно пола Нойфельд.

Упоминания Йолан Нойфельд в мужском роде закреплены как в современных академических аннотациях к переизданиям книги, так и в классических психоаналитических разборах. При переиздании данной книги книготорговые дома и специализированные библиотеки (включая известную психоаналитическую книжную лавку Sigmund-Freud-Buchhandlung) используют исключительно мужской род. В оригинальном издании 1923/1925 годов (вышедшем в Вене в легендарной серии Imago-Bücher, издававшейся под редакцией самого Фрейда) автор указан как Dr. Jolan Neufeld. В Австрии первой четверти XX века (1923 год) женщины-доктора наук обязательно обозначались в документах и на обложках как Dr. med. или Dr. phil. с добавлением феминитива (например, Frau Dr.). Отсутствие подобных маркеров и стандартное архив-

ное упоминание «господин доктор Нойфельд» (Herr Dr. Neufeld) в реестрах Венского медицинского и психоаналитического сообщества того времени указывает на мужчину.

Однако существуют также убедительные свидетельства обратного. Имя Йолан (венг. Jolán) имеет исключительно венгерское происхождение и является сугубо женским именем (аналог имени Иоланта). Мужского имени «Йолан» в венгерском языке не существует. Так как исследовательница происходила из Австро-Венгерского региона, её имя однозначно указывает на женский пол. Зигмунд Фрейд высоко ценил работу Нойфельд и опирался на неё при написании своего знаменитого эссе «Достоевский и отцеубийство» (1928). В немецком оригинале и авторитетных иностранных академических переводах (например, на итальянский или английский), исследователи, цитируя взаимосвязь текстов, прямо называют Нойфельд в женском роде (die Neufeld, she). Например, в итальянском литературоведении при анализе источников Фрейда пишется: «...mentre egli fa aperto riferimento alla Neufeld...» («...в то время как он открыто ссылается на [неё] Нойфельд...»). В европейских научных журналах 1920-х годов, выходивших по следам публикации её книги, в рецензиях авторы использовали в отношении Йолан Нойфельд местоимение «она». К мнению, что Нойфельд была женщиной, приходит также психоаналитик А. С. Ковалец (в предисловии к настоящему изданию), ссылаясь в частности на исследование J. Catteau (2004), и поднимает тем самым важный вопрос дискриминации женщин-психоаналитиков, работавших во времена Фрейда. В случае если дискриминация в отношении автора действительно имела место, мы надеемся, что издание книги Нойфельд на русском языке будет способствовать восстановлению справедливости.

Необходимо отметить, что работа, написанная более 100 лет назад, представляет собой не только психоаналитическое исследование – пример мышления ранних психоаналитиков последователей Фрейда, но также и исторический документ, требующий (особенно при дословном переводе) определенных усилий по его прочтению с точки зрения понимания лексики, терминологии, отсылок, контекста. Поэтому при подготовке данного издания мы предприняли ряд усилий, позволяющих сделать текст доступным и интересным современному читателю.

Во-первых, перевод был адаптирован под современные литературные нормы, однако насколько возможно был сохранен уникальный голос автора. Оригинальный текст шел сплошным массивом с минимальным членением на абзацы. Для удобства чтения мы разбили текст на главы и дополнительные смысловые абзацы, не меняя при этом содержания авторского текста.

Во-вторых, был исправлен ряд технических ошибок, допущенных автором (имена исторических личностей, названия произведений, географические пункты).

В-третьих, перевод был дополнен комментариями относительно упоминаемых автором психоаналитических и медицинских терминов, исторических личностей и событий, географических локаций и организаций. Также мы предложили современные трактовки ряда медицинских и исторических вопросов.

Мы надеемся, что издание поистине оригинального, новаторского для своего времени труда Нойфельд позволит нашим современникам отдать должное автору - одному из ярких, но почти забытых имён раннего психоанализа.

Юрий Камалетдинов

кандидат Европейской Федерации Психоаналитической Психотерапии (ОПП), магистр психологии, кандидат экономических наук.

Источники:

1. Мюльлайтнер, Э. Биографический словарь психоанализа: Венское психоаналитическое общество и его члены с 1902 по 1938 г. = Biographisches Lexikon der Psychoanalyse: Die Mitglieder der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung 1902–1938 / Э. Мюльлайтнер. — Тюбинген : Дискорд, 1992. — 400 с.
2. Ломанн, Г. Психоанализ в Третьем рейхе = Psychoanalyse im Nationalsozialismus / Г. Ломанн. — Берлин : Спрингер, 2013. — 312 с
3. База данных Австрийского сопротивления и эмиграции ученых 1938 года [Электронный ресурс] // Документальный архив австрийского сопротивления (DÖW) : [сайт]. — URL: doew.at (дата обращения: 27.08.2026). — Раздел: Преследование и эмиграция австрийских ученых-евреев после 1938 года.
4. Catteau, J. (2004). Un dossier controversé : le cas Dostoïevski par Freud. *Slavica Occitania*, 18, 153–176.
5. Neufeld, J. Dostojewski [Электронный ресурс] // Zentralbuchhandlung : [сайт]. — URL: zentralbuchhandlung.de (дата обращения: 27.08.2026). Neufeld, J. Eine Psychoanalyse Dostojewskis [Электронный ресурс] // Amazon.de : [сайт]. — URL: amazon.de (дата обращения: 27.08.2026).
6. Реестр членов и авторов Венского психоаналитического общества = Wiener Psychoanalytische Vereinigung (WPV) Archiv [Электронный ресурс] // Sigmund Freud Museum : [сайт]. — URL: freud-museum.at (дата обращения: 27.08.2026). — Раздел: Исторические архивы издательства Internationaler Psychoanalytischer Verlag (1919–1938); Личное дело: Dr. Jolan Neufeld.
7. Neufeld, J. Dostojewski: Skizze zu seiner Psychoanalyse / Jolan Neufeld // *Imago: Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften* [Электронный ресурс]. — 1923. — Bd. 9. — URL: archive.org (дата обращения: 27.08.2026).
8. Internationaler Psychoanalytischer Verlag (Wien; Leipzig; Zürich). Almanach für das Jahr 1924. — Wien : Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924. (В ежегодных альманахах издательства, публиковавшего Фрейда и его окружение, содержатся точные списки авторов с указанием их статуса).
9. Freud, S. Dostoevsky and Parricide (1928) // *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud* / trans. and ed. by James Strachey. — London : Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1961. — Vol. XXI (1927–1931). — P. 175–196 (см. сноску на с. 177 с текстологическим разбором Стречи источника, где Нойфельд атрибутирована как женщина-исследователь).
10. Freud, S. Dostojewski und die Vätertötung // *Studienausgabe* : in 10 Bd. / Sigmund Freud ; hrsg. von A. Mitscherlich, A. Richards, J. Strachey. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1982. — Bd. X: Bildende Kunst und Literatur. — S. 269–299.
11. Ladó, J. Magyar utónévkönyv / János Ladó, Ágnes Bíró. — Budapest : Vince Kiadó, 2005. — 423 о. — ISBN 963-9069-72-8. (Раздел: Женские имена / Női nevek, статья: Jolán).
12. Fercsik, E. Keresztnevek enciklopédiája / Erzsébet Fercsik, Janka Knázik. — Budapest : Tinta Könyvkiadó, 2009. — 353 о. (Историко-этимологический разбор функционирования женского имени Йолан в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков).
13. Gioanola, E. Dostoevskij: la ferita mortale. Psicoanalisi e letteratura / Elio Gioanola. — Milano : Jaca Book, 2008. — 346 p. — ISBN 978-88-16-40822-7. (В главах, посвященных разбору фрейдовских источников, автор системно использует форму женского рода «la Neufeld» применительно к тексту 1923 года).

14. Dostoïevski et le parricide : notice bibliographique et critique // Œuvres complètes de Freud / S. Freud. — Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1998. — Vol. XVIII : 1926–1930. — ISBN 2-13-049074-6. (Французские комментаторы также идентифицируют автора «Эскиза психоанализа» Достоевского как женщину).

Глава 1. Детство и семья

Жизнь Достоевского была бурной и полной событий, но сами эти события словно вырастали из его противоречивого и загадочного характера. Поневоле спрашиваешь себя: как мог человек, до глубины души преданный государю, одновременно состоять в заговоре против царя? Как уживается в одном человеке глубокая религиозность и полное безверие? Как человек, каждой клеткой привязанный к родной земле, может месяцами, а то и годами жить за границей? Как объяснить, что он вечно гонится за деньгами, а потом швыряет их на ветер, словно они ничего не стоят?

Точно так же загадочны и его произведения. Их герои — люди с изломанной психикой, переступившие все нравственные границы, настоящие извращенцы. Они задают читателю загадки, которые обычная психология не в силах разгадать. Но психоанализ — словно волшебный ключ — открывает эти замки и позволяет заглянуть в самую суть и личности писателя, и его творчества. Все противоречия находят своё объяснение: перед нами — вечный Эдип, человек, так и не сумевший до конца справиться со своим эдиповым комплексом.

Семейная обстановка Достоевского как нельзя лучше способствовала тому, чтобы из раздражительного и бесконечно самовлюблённого ребёнка (именно так он сам себя описывал) вырос именно такой Эдип. Его мать была дочерью небогатого московского купца. Сам Достоевский говорил о ней, что в ней воплотились покорность, терпение и самоотверженность. Это подтверждает в своих мемуарах и дочь писателя Любовь Достоевская.

Слабое здоровье и прогрессирующий туберкулёз часто приковывали мать писателя к постели; детей, кроме старшего Михаила, она не кормила сама, а отдавала кормилицам. При этом Михаила, по ревнивым замечаниям писателя, она любила больше всех остальных. И всё же Фёдор часами сидел у её постели, ухаживал за ней, развлекал и читал ей вслух.

Так что материнскую любовь ему приходилось делить с двумя более счастливыми соперниками — отцом и братом. Но влияние отца на его характер было неизмеримо сильнее. Михаила Достоевского можно охарактеризовать одним психоаналитическим термином: это был анальный характер. Горячий, легко впадающий в ярость, угрюмый, педантичный, мелочный и болезненно скупой.

После смерти жены он всё больше пристращался к алкоголю, а вместе с этим усиливались и его садистские наклонности. Он преследовал дочерей недостойными подозрениями, относился к сыновьям с недоверием, жестокостью и жадностью. В конце концов он оставил должность главного врача Мариинской больницы в Москве и перебрался в своё имение Даровое. Там он так жестоко обращался с крепостными, что те решили ему отомстить. Однажды он поехал в другое имение — Черемашню; кучер сбежал с повозкой, а помещика нашли мёртвым — задушенным в канаве у дороги. Крепостные на допросе признались, что это была месть.

Как ни странно, несмотря на свой жёсткий нрав, Михаил Достоевский с величайшим старанием воспитывал сыновей, особенно двух старших — Михаила и Фёдора. Воспитание было довольно своеобразным. Сначала мальчишки учились в частных пансионах — Сухаревском, потом Чермакском, — потому что там преподавали интенсивнее. Их возили в школу и обратно в карете.

В произведениях Достоевского нет ни одного точного описания родного города — потому что он его, по сути, не знал. Общение со сверстниками и шумные игры были строжайше запрещены. Только по вечерам, в сопровождении родителей, мальчики гуляли в Марьиной роще неподалёку. Отец использовал её извилистые тропинки, чтобы наглядно объяснять сыновьям геометрические углы. Камни и растения по пути превращались в материал для уроков ботаники и минералогии. По вечерам он читал им «Историю» Карамзина, Священное Писание или жития святых. Латынь они учили с отцом. При этом, пока другие учителя вели уроки сидя, отец заставлял сыновей стоять — и даже не прислоняться к стене, — словно «маленьких болванчиков», как вспоминал младший брат Андрей.

На уроках отца они дрожали от его вспышек гнева. Достоевский разделил судьбу многих детей, чей отец одновременно был их учителем: отцовский авторитет, помноженный на авторитет наставника, привязал мальчика к нему так прочно, что он уже не мог освободиться от этой связи.

Маленький мальчик страстно ненавидит своего отца — как более удачливого соперника в борьбе за мать, — но одновременно тот же отец становится для него высоким идеалом, к которому он стремится всю жизнь, понимая, что никогда его не достигнет.

Комментарии редактора

1. Эдипов комплекс — психоаналитический термин, введённый Зигмундом Фрейдом. Обозначает бессознательное влечение ребёнка к родителю противоположного пола и соперничество с родителем того же пола.

2. Любовь Достоевская (1869–1926) — старшая дочь писателя от второго брака, автор мемуаров об отце.

3. Анальный характер — термин психоанализа, обозначающий тип личности, сформированный в анальной стадии психосексуального развития. Характерные черты: педантичность, скупость, упрямство, склонность к порядку или беспорядку.

4. Мариинская больница для бедных — больница в Москве, где служил лекарем отец Достоевского. Семья жила в казённой квартире во флигеле больницы. Именно здесь 11 ноября 1821 года родился Фёдор Михайлович.

5. Даровое — имение в Тульской губернии, приобретённое родителями Достоевского в 1831 году. Семья проводила здесь летние месяцы с 1832 по 1836 год.

6. Черемашня — соседняя деревня, купленная отцом Достоевского в 1832–1833 годах. Здесь в 1839 году был найден мёртвым отец писателя. По официальной версии — апоплексический удар, однако младший брат писателя Андрей в мемуарах приводит другую версию — убийство крепостными.

7. Сухаревский пансион — частное учебное заведение в Москве, где братья Достоевские учились в 1833–1834 годах.

8. Чермакский пансион — частный пансион в Москве, более престижный, куда братья перешли в 1834 году. Здесь преподавание было интенсивнее, что позволило им успешно поступить в Инженерное училище.

9. Главное Инженерное училище — военно-учебное заведение в Петербурге, располагавшееся в здании Михайловского замка. Сюда в 1838 году поступил Достоевский, где проучился до 1843 года.

10. Карамзин — Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), русский писатель и историк, автор «Истории государства Российского». Отец Достоевского читал эту книгу сыновьям вслух.

Комментарий редактора. Личность Михаила Андреевича Достоевского (отца писателя)

Нойфельд характеризует отца Достоевского как «анальный характер» — вспыльчивого, угрюмого, педантичного и болезненно скупого. Этот образ во многом сформирован мемуарами дочери писателя Любови Достоевской, которая была склонна к драматизации и даже мифотворчеству в описании семейной истории. Современные исследователи указывают на противоречивость этого образа.

Биографические факты рисуют более сложную картину. Михаил Андреевич Достоевский (1789–1839) был участником Отечественной войны 1812 года, служил лекарем в Бородинском пехотном полку, а затем — в Мариинской больнице для бедных, где и родился будущий писатель. Согласно обнаруженным документам, он происходил из семьи униатского священника и «вопреки более ранним, не подтверждённым документами сведениям, не ссорился с отцом и не уходил из дома», а поступил в медико-хирургическую академию.

Сам Фёдор Михайлович в письмах отцу проявлял смирение и уважение, что плохо вяжется с образом «монстра». В разговоре с братом Андреем он говорил об отце: «Да знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые... и в настоящую минуту они были бы передовыми!.. А уже такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат!». Известный исследователь Достоевского В. С. Нечаева также подчёркивала, что «общий тон семейной жизни Достоевских был положительным».

Современная историческая наука рассматривает образ отца Достоевского как сложный и противоречивый, но не сводимый к однозначно отрицательной характеристике. Психоаналитическая интерпретация Нойфельда — одна из возможных, но не единственная.

Источники:

1. Нечаева, В. С. «В семье и усадьбе Достоевских». М., 1939.
2. Сараскина, Л. И. «Достоевский». М.: Молодая гвардия, 2011.
3. Волгин, И. Л. «Родиться в России». М., 1991.
4. Достоевский, А. М. «Воспоминания». СПб., 1896.
5. Письма Ф. М. Достоевского к отцу (1838–1839).

Комментарий редактора. Убийство отца Достоевского: историческая правда и легенды

Нойфельд однозначно пишет об убийстве Михаила Андреевича крепостными, ссылаясь на семейное предание. Однако историческая правда сложнее. До сих пор нет единого мнения о том, как именно умер отец писателя.

Официальная версия: согласно следственным материалам, смерть наступила от «апоплексического удара» (инсульта) в поле около имения Даровое.

Семейное предание: версия об убийстве крепостными, которую поддерживали брат писателя Андрей и другие родственники, а также Нойфельд. Крестьяне Дарового и Черемошни действительно были озлоблены на помещика, однако прямых документальных подтверждений убийства нет.

Современная точка зрения: вопрос остаётся открытым. Исследователи отмечают, что даже если убийство не было доказано, «Фёдор Михайлович относился к отцу» именно так, как

если бы знал о насильственной смерти, и эта версия глубоко повлияла на его психологию и творчество. Как пишет И. Л. Волгин, для писателя важна была не столько историческая истина, сколько тот факт, что он «знал именно так» — как убийство.

Таким образом, Нойфельд следует семейной легенде, а не официальной версии. Это важно для понимания того, как формировался «персональный миф» Достоевского, связанный с отцеубийством, который, по мнению Фрейда, стал основой его эпилепсии и творчества.

Источники:

1. Волгин, И. Л. «Родиться в России». М., 1991.
2. Сараскина, Л. И. «Достоевский». М.: Молодая гвардия, 2011.
3. Следственные материалы 1839 года (ЦГА Москвы).
4. Фрейд, З. «Достоевский и отцеубийство» (1928).

Глава 2. Фиксация на отце и ранние травмы

О фиксации на отце говорят многие детали, в первую очередь письма писателя из Инженерного училища. Старый Достоевский, будучи чиновником, добился для сыновей бесплатных мест в казённых заведениях. Там воспитанников обеспечивали всем необходимым, но в России, как известно, даже в казённых учреждениях снабжение оставляло желать лучшего. В своих отчаянных письмах отцу и брату Достоевский часто жалуется на лишения.

Во время осенних учений у него были одни-единственные сапоги, которые насквозь промокали под дождём, и сменить их было нечем. Он болел от голода и холода, у него не было ни гроша, чтобы выпить горячего чая. Одежда не спасала от непогоды. И при этом он знал, что отец живёт в довольстве, владеет двумя имениями и имеет солидное состояние. Но, несмотря на всю горечь, он писал отцу не просто почтительно, а почти смиренно:

«Дорогой отец, — писал он, описав своё бедственное положение, — не подумайте, что ваш сын, обращаясь к вам за денежной помощью, просит не о чем-либо необходимом. Тем не менее из внимания к вашей нужде, я откажусь от чая».

При всём своём вспыльчивом нраве он никогда не упрекал отца, как бы его ни угнетала скупость родителя.

О чрезмерном почитании отца рассказывает и Андрей Достоевский. Однажды, уже в преклонных годах, когда он вместе с писателем заговорил об отце, Фёдор Михайлович схватил его за руку (он так делал в редкие минуты сильного волнения) и воскликнул: «Ах, брат, это были замечательные люди и такими мужьями, такими главами семейств мы никогда не будем».

Но не будем забывать: этот отец держал сыновей в строгости и прижимал их скупостью, дочерей мучил подозрениями, а всю семью — своим угрюмым и взрывным характером. Только инфантильный невротик, застрявший в детстве, способен видеть в таком отце недостижимый идеал. Все воспоминания о доме окрашены этим же чувством — как верно заметил Мережковский.

Быть таким же главой семейства, как и его отец — самое большое желание писателя, не покидающее его всю жизнь. Когда он впервые женится на вдове с ребенком, он чрезвычайно радуется, что «удостоился высокой чести стать отцом».

После преждевременной смерти брата Михаила осталась большая семья. Достоевский взял на себя все долги и помогал вдове брата гораздо щедрее, чем позволяли его средства. За это он хотел быть полновластным хозяином этой семьи: препятствовал замужеству племянниц, решал, где учиться племяннику, — словом, играл роль собственного отца в семье умершего брата.

Ясно, что его вело не только великодушие и братская любовь: ведь его собственная семья в то время бедствовала, и бывало, что в припадке игровой страсти он закладывал последнее тёплое пальто жены.

Отбывая каторгу в Омском остроге он учил грамоте других каторжных, а позже — и солдат в Семипалатинске. То есть и для них он становился отцом. Особенно ярко подражание отцовскому идеалу проявилось, когда он начал воспитывать собственных детей. Они молились той же молитвой, которую Достоевский выучил в детстве, и он с нетерпением ждал часа, когда сможет читать им вслух, как когда-то ему читал отец. Дочь с юмором вспоминает, как он читал ей и её пятилетнему брату «Разбойников» Шиллера. Дети инстинктивно чувствовали, что отец дорожит этим чтением, и изо всех сил старались не заснуть, но даже великому Достоевскому пришлось признать, что они ещё слишком малы для таких экспериментов.

Любовь Достоевская упоминает ещё две мелкие, но показательные детали, в которых она справедливо видит привязанность к отцу.

Старый Достоевский любил французский язык — и сын перенял эту любовь: персонажи его романов часто пересыпают русскую речь французскими оборотами. Конечно, Тургенев и Толстой тоже так пишут, но их герои — люди мировой культуры. У Достоевского же по-французски говорят исключительно отцовские фигуры: например, отец в «Подростке», старый Карамазов и другие.

Вторая деталь тоже показательна. Строгая муштра и бездушное обращение в Инженерном училище были для чувствительного юноши постоянной мукой. Когда воспитанники подняли бунт против этого порядка, Достоевский оказался единственным, кто не присоединился к протесту. Перенос на учителей отцовского образа оказался сильнее, чем неприятие суровой муштры и чувство товарищества.

Однако ненависть к отцу можно подтвердить и множеством других примеров. Любовь Достоевская рассказывает, что долгие годы воспоминание об отце писателя было для них столь мучительно, что они вообще не могли о нём говорить. Вся амбивалентность мальчика Достоевского отразилась в романе «Подросток».

Орест Миллер и Мережковский связывают эпилепсию писателя с его отрицательными чувствами к отцу. Первый биограф писателя говорит о болезни Достоевского крайне скупно и уклончиво: «Существует своеобразное предание, связывающее болезнь Достоевского с потрясающим событием в семейно жизни родителей, когда Достоевский был еще совсем маленьким ребенком. Хотя мне сообщил это человек, близко стоящий к семье писателя и вполне заслуживающий доверия, я не буду повторять его».

Именно эта нелепая щепетильность биографа мешает нам узнать, какая психическая травма вызвала такую бурную реакцию ребёнка. Но если учесть, что Орест Миллер вообще чрезмерно целомудренно обходил тему сексуальности, а в нашем обществе о сексе говорить было не принято, можно с большой вероятностью предположить, что в «жизни богобоязненной русской семьи» — как выражался сам Достоевский — могло произойти нечто подобное.

С враждебным отношением к отцу, возможно, связаны два истерических симптома детства и юности. Андрей Достоевский рассказывает, что примерно в десять лет брат боялся волков. В этой фобии вполне можно увидеть страх перед отцом — тем более что испуганный мальчик видел галлюцинацию «Волк идёт» именно в Черемашне, в деревне, где он жил свободно, без обязательств, отдаваясь играм и мечтам, и куда отец не приезжал. Там, где мальчику не приходилось делить материнскую ласку с этим грозным соперником, крик «волк идёт» легко истолковать как страх: «отец явился нарушить летнюю идиллию». Что Черемашня была

местом инцестуозных фантазий мальчика, подтверждает и «Братья Карамазовы»: в день убийства сын уезжает именно в Черемашню, чтобы своим отсутствием не мешать убийству отца.

Другой истерический симптом появился в период полового созревания, сразу после смерти матери, примерно на шестнадцатом году жизни. После поездки в церковь он вдруг совершенно потерял голос, а потом мог говорить только шёпотом и с большим трудом. Здесь можно вспомнить пациентку Фрейда Дору с её хрипотой. Возможно, наш писатель больше не хотел ни с кем разговаривать после смерти единственной любимой женщины, к которой он уже не мог обратиться. Возможно, здесь был и протест против отца. Фрейд считал, что каждый человек бессознательно улавливает бессознательное другого. А поскольку отец, пытаясь вылечить сына, полностью изолировал его от семьи (и отчасти ему это удалось), можно предположить, что и сам отец бессознательно воспринимал болезнь как непокорство и бунт.

В душе, чрезмерно привязанной к отцу и раздираемой между любовью и ненавистью, насильственная смерть отца вызвала страшное потрясение. Любовь Достоевская передаёт семейное предание: первый эпилептический припадок случился с писателем именно тогда, когда он узнал о гибели отца. Даже если это не совсем точно и, по Оресту Миллеру, первый припадок был ещё в раннем детстве, всё равно несомненно, что именно эта весть вызвала сильнейшие приступы. Что они были связаны с убийством отца крепостными, подтверждает рассказ Григоровича, друга юности, вместе с которым Достоевский учился и потом жил.

Григорович рассказывал: однажды они гуляли и неожиданно встретили похоронную процессию. Едва писатель увидел её, как захотел повернуть назад, но тут же его настиг особенно сильный припадок, от которого он долго не мог оправиться. Вероятно, бессознательные мысли о ненависти и мести отцу при этом внезапном зрелище подступили так близко к сознанию, что цензура смогла защититься только глубоким обмороком.

Были ли его припадки эпилептическими или истерико-эпилептическими — решить трудно. Но примечательно, что одновременно с ними существовал целый ряд других истерических симптомов, тоже уходящих корнями в эдипов комплекс. Кроме того, частота и сила приступов сильно менялась в течение жизни в зависимости от разных обстоятельств. Писатель сам связывал эпилепсию с каторгой, а болезнь юношеских лет называл истерией. Его любимый домашний врач Яновский утверждал, что в юности Достоевский страдал болезнью, похожей на эпилепсию, но ею не являвшейся. Любовь Достоевская также пишет, что за несколько лет до ссылки писатель стал истеричным.

Комментарии редактора

1. Мережковский — Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941), русский писатель, критик, религиозный философ. Автор исследования «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1902).

2. «Разбойники» Шиллера — драма Фридриха Шиллера (1781), в которой поднимаются темы отцеубийства, бунта против отцовского авторитета и братского соперничества. Достоевский высоко ценил Шиллера и неоднократно обращался к его мотивам.

3. Семипалатинск — город в Западной Сибири (ныне Семей, Казахстан), куда Достоевский был направлен в 1854 году после освобождения из острога для прохождения солдатской службы. Здесь он прожил до 1859 года, именно здесь познакомился с Марией Дмитриевной Исаевой, своей первой женой.

4. Амбивалентность — одновременное существование противоположных чувств по отношению к одному объекту (любви и ненависти). Автор считает амбивалентность ключевой чертой характера Достоевского и его героев.

5. Орест Миллер (1833–1889) — русский учёный, профессор истории литературы, один из первых биографов Достоевского. Вместе с Н. Н. Страховым составил первое посмертное собрание сочинений писателя и биографический очерк.

6. Фобия волков — психоаналитическая интерпретация: страх перед отцом, символически выраженный через образ хищного животного. Автор опирается на известный случай Фрейда с «Человеком-волком».

7. Инцестуозные фантазии — бессознательные желания кровосмесительного характера, которые, по мнению автора, возникли у Достоевского в детстве.

8. Григорович — Дмитрий Васильевич Григорович (1822–1900), русский писатель. В юности учился в Инженерном училище вместе с Достоевским, близкий друг.

9. Яновский — Степан Дмитриевич Яновский (1817–1897) был одним из немногих врачей, кому Достоевский полностью доверял. Он лечил писателя в молодости и оставил записки, в которых подробно описывал болезнь Достоевского. Его диагноз — «нервная горячка» и «истерия» — отражает уровень медицины того времени, а не современное понимание эпилепсии. Яновский утверждал, что в юности Достоевский страдал болезнью, очень похожей на эпилепсию, но ею не являвшейся. Сегодня мы знаем, что диагностические возможности XIX века были ограничены, и то, что современники называли «истерией», могло быть проявлением височной эпилепсии — органического заболевания мозга.

10. Истерики-эпилептические припадки — термин XIX века для припадков, сочетавших признаки истерии и эпилепсии. Современная медицина различает эти состояния строже.

11. Омский острог — каторжная тюрьма, куда Достоевский прибыл 23 января 1850 года после замены смертной казни четырьмя годами каторги. Именно здесь он провёл четыре года, которые впоследствии описал в «Записках из Мёртвого дома».

Комментарий редактора. Роль матери в формировании личности Достоевского

В книге Нойфельда, как и у Фрейда, центральной фигурой психоанализа Достоевского является отец. Однако некоторые современные исследователи, например американский психоаналитик Луис Брегер, предлагают сместить акцент.

Брегер в своей книге «Достоевский: Писатель как психоаналитик» (1990) утверждает, что Фрейд и его последователи слишком сфокусировались на фигуре отца, упуская из виду огромное влияние матери. Брегер рисует образ чувствительной, артистичной натуры Марии Фёдоровны Достоевской, чьё влияние на формирование личности и творчества писателя было не менее, а возможно, и более значительным, чем влияние отца. Вместо классической фрейдовской триады «отец – сын – соперничество» Брегер предлагает рассматривать более сложную динамику, в которой мать выступает как источник эмоциональной теплоты и культурного влияния, что также сыграло ключевую роль в становлении писателя.

Источник: Breger, L. «Dostoevsky: The Author as Psychoanalyst». New York University Press, 1990.

Комментарий редактора. О «трагическом случае» в детстве Достоевского

Биограф писателя Орест Миллер в своей работе пишет: «Конечно, о болезни Федора Михайловича есть частные свидетельства, относящиеся к первым годам его юности и связывающие заболевание с трагическим случаем в семейной жизни родителей Достоевского. Все же,

хотя эти сведения были мне устно сообщены человеком очень близким Федору Михайловичу, я не могу решиться подробно и точно повторить здесь упомянутые сведения, так как ни из какого другого источника я не получил подтверждение этих толков».

Эта фраза Миллера породила множество гипотез. Поскольку сам автор уклоняется от прямого ответа, а близкие к писателю люди (например, его брат Андрей Михайлович) хранят молчание, исследователи выдвигают несколько версий о характере травмы.

Версия 1. Эпизод с девочкой из Мариинской больницы (рассказ Достоевского)

В мемуарной литературе сохранилось прямое свидетельство, которое Достоевский рассказывал в кругу друзей:

«Когда я в детстве жил в Москве в больнице для бедных, где мой отец был врачом, я играл с девочкой (дочкой кучера или повара). Это был хрупкий, грациозный ребенок лет девяти. Когда она видела цветок, пробивающийся между камней, то всегда говорила: “Посмотри какой красивый, какой добрый цветочек!” И вот какой-то мерзавец, в пьяном виде, изнасиловал эту девочку, и она умерла, истекая кровью. Помню, меня послали за отцом в другой флигель больницы, прибежал отец, но было уже поздно. Всю жизнь это воспоминание меня преследует, как самое ужасное преступление, как самый страшный грех, для которого прощения нет и быть не может...»

Исследователи полагают, что «эта девочка из воспоминаний Достоевского живет во всех значимых героинях его произведений, а ее насильник — во всех главных злодеях его романов». Наиболее ярко этот эпизод нашёл отражение в исповеди Ставрогина в романе «Бесы» (глава «У Тихона»), где герой признаётся в растлении малолетней Матрёши. Как свидетельствует биограф Л. И. Сараскина, сам Достоевский в конце 1870-х годов в салоне А. П. Филофовой сказал: «...этим самым страшным преступлением я казнил Ставрогина в “Бесах”», что позволяет рассматривать эту главу как отражение личных переживаний писателя.

Такие биографы, как Андре Жид и Стефан Цвейг, считали исповедь Ставрогина в равной степени исповедью самого автора.

Источники:

1. Степанов, Д. Н. «Герой в преисподней: от мифа к Twin Peaks. Эссе» (цитата из воспоминаний Достоевского).
2. Сараскина, Л. И. «Достоевский». М.: Молодая гвардия, 2011 (серия «Жизнь замечательных людей»).
3. Достоевский, Ф. М. «Бесы». Глава «У Тихона» (пропущенная цензурой). Полное собрание сочинений в 30 томах, т. 11. Л.: Наука, 1974.
4. Жид, А. «Достоевский» (эссе). Париж, 1923 (русский перевод: М.: Ломоносовъ, 2012).
5. Цвейг, С. «Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский». Лейпциг, 1920.

Версия 2. Психологическое или физическое насилие со стороны отца

Многие исследователи, включая З. Фрейда, полагали, что травма была связана с жестоким обращением. Описывая эту версию, историки часто обращаются к личности отца писателя. Михаил Андреевич Достоевский, по свидетельствам современников, был раздражительным, склонным к алкоголизму. Воспоминания младшего брата Андрея, а также разрозненные фрагменты в письмах самого Достоевского остаются основным источником знаний о детстве писателя.

В рамках этой версии также рассматривается возможность сексуального насилия (инцеста). Сам Достоевский в романе «Подросток» вкладывает в уста героя фразу, которая может быть истолкована как отсылка к подобному опыту: «Каждая мечта моя, с самого детства, отзы-

валась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате». Однако прямых документальных подтверждений этой версии нет, и большинство биографов считают её маргинальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.